

Он медленно открывал глаза. Сознание медленно и постепенно возвращалось к нему. Он ощущал свет — свет — это то, что перед глазами или в глазах, ну, в общем, в голове. Свет проникал в голову какими-то пятнами, цветными пятнами, они были светлыми — зелеными, голубыми и белыми. Постепенно эти пятна стали приобретать определенную четкость — некую картину некоего мира, который яко бы окружал его. Он сосредоточился на этом зрительном ощущении мира и стал отождествлять ее с образом, который всплыл из глубины его сознания: то, что он видел было лесом, он лежал под деревом, было утро, небо было голубым, без облачка, солнце радостно сияло. Всю эту картину он стал ощущать еще более полно — к зрительному ощущению добавились остальные: он почувствовал свежий прохладный воздух, ощутил кожей росу, ухо уловило попискивание птиц.

В голове, в сознании все начало потихонечку укладываться, он начал приходить в себя. Но тут проснулась одна мысль, которая, казалось, всегда была, только тихо теплилась где-то в глубине, и сейчас она снова вспыхнула, отбросив на второй план все остальное: «Кто я? Где я? И зачем?...»

Он пошевелился: подвигал руками и ногами, покрутил головой, провел рукой по животу. Он стал что-то понимать, его ситуация начала проясняться: он был мужчиной, голым мужчиной, который лежит на мокрой траве в лесу, хотя не смотря на яркое солнце еще по-видимому утро и довольно прохладно. Он передернулся. Ну, мужчина, ну и что? Ну, две руки, две ноги и еще кое-что. Ведь это совершенно не приближало его к решению главных вопросов.

Он встал на ноги. Его тело ныло от долгого лежания на земле. Помахав руками, сделав несколько приседаний, повращав головой сначала в одну, потом в другую сторону, он присел на траву и прислонился спиной к стволу дерева. В голове что-то происходило, вернее был туман, но из него выплывали отдельные предметы и личности. Так выплыл человек с именем Федот. Да, Федот. Федот был с одной стороны притягивающим, потому что он был другом, а с другой — отталкивающим, потому что они всегда много спорили. Еще из тумана выплыло слово «текила», или даже «tequilajazz», после нее в голове был сплошной jazz. И последнее, что он помнил, — это что они спорили в очередной раз, спорили о метафизике. В этом споре текила с одной стороны очень помогала, а с другой — чем-то вредила. Он, Михей говори... Стоп, у него было имя! Михей. Оно ничего не говорили ни о его прошлом, ни о его будущем, ни о его смысле. Просто Михей... Так вот, он, Михей, говорил, что невозможно понять истинную природу вещей оставаясь таким ограниченным созданием, как человек. Чтобы что-то понять, нужно уходить от человеческой природы, отделиться, забыть про это трехгранное пространство и неумолимое время, от всего того, что человек сам создал и в чем сам погряз. Федот же ругал Михея за такой идеализм и его неспособность давать четкие ответы на поставленные вопросы, объяснял это в начале недостаточностью выпитого, а ближе к концу — чрезмерностью. Федот говорил, что не смотря на все его человеческие ограничения и пороки, он уже приблизился к ответам на самые главные вопросы и давно идет по правильному пути. В доказательство этого он показывал толстую зеленую тетрадь, где на обложке была приклеена красивая этикетка «ИСТИННАЯ ПРИРОДА ВСЕГО». Михею не нравилась эта тетрадь. Федот заполнял ее, пользуясь энциклопедическим словарем, и уже дошел до буквы «Й». Михей пару раз заглядывал в нее и давно раскусил задумку Федота. Вся

соль была во множестве перекрестных ссылок, которые с одной стороны все запутывали, а с другой — все объединяли в единый большой клубок. Например:

А. АБРАМ — истинная природа есть еврей (см. еврей)

Б. БОГ — истинная природа есть любовь (см. любовь)

В. ВОДА — истинная природа есть величина силы межмолекулярного взаимодействия (см. сила, см. молекула, см. взаимодействие)

— Вот посмотри как все глубоко, — говорил Федот, — вот посмотри: вот, например, вода или даже текила (чтобы было понятнее), ведь у них природа похожа. Если бы сила взаимодействия молекул у текилы была бы чуточку меньше, чем нужно, то это была бы уже не текила, а текиловый пар, или же наоборот: будь она чуточку больше, чем надо, то получился бы текиловый лед. В обоих случаях мы не смогли бы ее пить. Но ты посмотри! Мы же ее пьем! Как гармонично все устроено в этом человеческом мире, а тебе он не нравится.

Федот планировал таким образом описать истинную природу всех вещей, связав их множественными ссылками и окончательную версию издать в виде глобального гипертекста и разместить в сети Интернет, чтобы его творение было доступно каждому. Но Михей, как обычно, возражал:

— Чтобы по-настоящему понять истинный смысл всего твоим методом, можно запустить эту систему, но результат можно получить еще очень не скоро, можно сказать в бесконечности. И нельзя будет все это понять за одну обычную человеческую жизнь...

Он продолжал:

— Нет, нет Федот, все не так. Чтобы что-то понять, нужно все бросить, все оставить, забыть обо все земном, нужно взлететь, воспарить. И это будет кайф, это будет свобода и легкость. Нельзя лишь одним умом проникнуть в истину.

— Да ладно, ты уже пьян, давай еще текилы с лимончиком.

Да, да это все он помнил, это было последнее, что он помнил, но Федот был неправ. Михей был очень серьезен в той беседе. Он не был пьян, да и разве можно напоить человеческую душу? Не хватит всей водки, что есть на Земле... Он чувствовал, что он прав, что он стоит на краю разгадки самого главного вопроса.

И вот он здесь, один, в лесу, голый.

«Да, что-то случилось: либо с моей головой, либо со всем этим миром», — подумал Михей. Он решил прогуляться по лесу и разобраться, куда же он попал.

Он шел, ноги покалывали иголки хвои и острые веточки, но это не беспокоило. Тихо-тихо попискивали птицы, было хорошо, но никаких, даже малейших следов проявления деятельности человека он не встретил. Лес как лес, погода хорошая, солнышко светит. Но что-то беспокоило. Вдруг справа от него хрустнула ветка, и он увидел. Он увидел ее.

Это была она. Это была девушка. Она была нага. То есть на ней не было одежды. Он повернулся и пошел ей на встречу. Она была хороша, приятных форм, округлые бедра и грудь, тонкая талия, волнистые белокурые волосы, внимательные, слегка испуганные голубые глаза. Курчавые волосы на лобке поблескивали рыжеватым отливом. Она тоже заметила Михея. Она стала пристально смотреть ему в глаза, пытаясь найти в нем какую-нибудь поддержку, тревога постепенно покидала ее, взгляд оторвался от лица и опустился ниже, еще ниже и задержался там на некоторое время.

— Ты кто? — спросил он.

— Я, я — Ксюша, — ответила она, — Я совсем одна, я ищу людей.

— И давно ты ищешь?

— Да уже с полчаса. Я проснулась совсем одна и без одежды, прямо на траве. И где все?

Последнее, что она помнила о прошлом, о том, что было до того, как она проснулась на траве, — это был ритм, монотонные удары в барабан, которые сопровождались пением мантр. Этот ритм вел за собой, выводил из этой реальности в другую, где все было хорошо, легко и правильно. Она пристально смотрела на огоньки горелок, которые стояли вокруг сложного сооружения, которое представляло собой символ ЕДИНОГО БОГА, субъекта всего сущего, который нуждался в жертвах, поклонении и любви. Вокруг Ксюши, также как и она, сидели люди и, покачиваясь, повторяли мантры вслед за ведущим. Атмосфера в храме казалась очень плотной, воздух — густым из-за курящихся благовоний, которые постоянно дымились у алтаря, а главное — из-за людей, которые сами как бы уплотняли воздух своими мыслями, чувствами, стремлениями, аурой. Ритм барабана и пение постепенно учащались, и это вело за собой всех: хотелось знать, что произойдет, когда ритм станет совсем невыносимо быстрым. Произойдет что-то важное, что-то существенное, что-то, что даже важнее всей пошедшей жизни.

Ксюша, как и все другие, тоже была вовлечена в этот ритм, этот поток, который нес ее неведома куда, но она не могла, да и не хотела ему сопротивляться. Ее взор все чаще и чаще останавливался на верхней части сооружения — символа божества, которая символизировала мужское начало. Казалось, что этот блестящий ствол меняет цвет. Вначале он сверкал как свеженачищенная валторна, но потом, когда храмовая комната погрузилась в темноту, он стал темнеть, но блеск оставался и казалось, что он уже сделан из стекла, то темно-голубого, то коричневого, и казался даже прозрачным. И она, Ксюша, вдруг стала четко понимать, что это не просто символ, но настоящий мужской член, который может войти в нее, может влить в нее столько жизненной энергии, столько блаженства, ради которого она и живет на этом свете. Этот фаллос казался ей чистым, непорочным, он совсем не был похож на то, что она видела у мужчин, которые пытались ее соблазнить. Она успевала всегда в самый последний момент убежать от них. Нет, сейчас перед ней было мужское начало абсолюта, идеала, в котором не было ни капли зла, грязи или нечистоты. По ее телу прошла судорога, она сильно сжала ноги и подалась вперед... Тогда ей казалось, что внутри нее разгорался огонь, что-то расширялось у нее внутри, должен был произойти взрыв. Но взрыва она не помнила.

— А ты кто? — спросила Ксюша.

— Я — Михей, — ответил Михей.

— И чего?

— Да ничего! Я тоже ищу! Уже давно ищу людей, всю жизнь ищу.

— А там, где ты был, разве не было людей?

— Да были, полно, но какие-то они не такие. Они совсем другие, не как я.

— Может быть тебе нужно было искать не людей?

— Может быть, может быть...

Михей задумчиво потупил глаза, потом поднял их и взглянул на Ксюшу. «Может быть это она, может быть ее-то я и искал? Ведь как все получается...» — подумал Михей. А в этом мире случайностей нет — это он знал точно.

Михей перестал смотреть на лицо Ксюши и оглядел ее фигуру. «Очень ладная, а какие груди, сосками можно номер набирать, как говаривал Федот.»

Ксюша почувствовала взгляд Федота и застенчиво опустила глаза, но ее взгляд не уперся в

землю, а как бы сам собою остановился на месте пониже живота у Михея. «Он маленький, немного сморщенный», — подумала Ксюша. «Но так и должно быть, ведь если бы он был все время большим, он мешал бы ему ходить», — резонно ответила она самой себе, — «Он может увеличиться». Хотя она видела Михея первый раз, она уже испытывала к нему симпатию, ей захотелось, чтобы его член увеличился, налился кровью, стал похож на фаллос божества, вошел в нее. И тут она заметила, что член у Михея стал больше, он как бы набух, тонкая кожа натянулась и сползла, стала проглядывать красная головка.

Михей посмотрел Ксюше в глаза, сделал два шага и оказался совсем рядом с ней. Он медленно наклонил голову и дотронулся своими губами до ее губ. Этот миг был прекрасен. Ксюша вздрогнула всем телом и прильнула к Михею. Их губы слились, они жадно искали друг друга. Михей обхватил Ксюшу за талию и нежно поглаживал ее. Язык Ксюши проник в рот к Михею и стал весело щекотать его язык. Михей повел руками по ее спине, отчего Ксюша вся изогнулась, потом опустил руки на ее ягодицы и стал несильно мять их, девушка еще сильнее прижалась к нему. Курчавые волосы на ее лобке защекотали уже набухшую головку. Михей оторвал одну руку от ее попки и отодвинул свой член к себе, при этом тыльная сторона его ладони проскользнула по нежным и упругим волоскам на ее лобке, и кончиками пальцев он почувствовал теплую влагу, которой уже была вся переполнена Ксюша. И она, уже не сдерживая своих желаний, левой рукой отодвинула его руку, а правой обхватила его член и стала нежно ласкать его, двигая вперед и назад нежную кожу и слегка сдавливая его. Михея такие действия привели в еще более возбужденное состояние. Он взял Ксюшу за плечи и стал тянуть ее к земле. Ксюша послушно легла на траву и раздвинула ноги, слегка согнув их в коленях, всем своим видом изображая покорность и приглашение. Михей склонился над ней и стал своими губами искать ее губы, а Ксюша поймала его торчащий член и помогла ему найти вход. Михей сделал движение тазом и вошел в нее, она вскрикнула, волна боли обожгла ее, но Михей не заметил этого и продолжал свои движения. Постепенно боль притуплялась и как бы смешивалась с тем жаром, который был внутри нее. Ее дыхание стало тяжелым, таким же, как и у Михея. Капли пота стали поступать на их лицах. Ритм движения стал напоминать Ксюше тот ритм барабана и ритм пения из ее воспоминания, и похожее состояние блаженства горячей волной стало захватывать все ее тело. Она стала помогать Михею своими движениями, то стремясь навстречу ему, то отодвигаясь.

Михей благодарно стал ловить губами ее соски. Ритм их движения постепенно учащался, они уже не могли сдерживать свои стоны. Движения, как и дыхание стали совершенно резкими и порывистыми, Михей прижался к распростертой девушке и, откинув голову, изогнулся. Прерывистая череда импульсов пронзила низ его тела. Ксюша тоже чувствовала эти импульсы и, вместе с горячим семенем в нее вливались новые волны неизмеримого блаженства. Сознание двух людей одновременно перестало воспринимать окружающую, но уже не существующую для них, реальность. Все совсем изменилось. Не было мыслей, не было даже никаких чувств. Не было времени, не было пространства, все это заслонила неведомая стена, оставляя только блаженство, только энергию, только смысл, к которому они стремились. Они неслись, они летели в неведомом пространстве, в том потоке, который их нес и который они сами создавали своим движением. И казалось, что нет конца у этого потока, как и нет начала...

Он перевернулся на спину и отодвинулся от нее. Он был совершенно расслаблен и безвольно смотрел в безоблачное небо. Казалось, он ничего не чувствовал, но в то же время все его тело,

все его сознание было переполнено блаженством, благодатью, чувством полноты и гармонии. Он почувствовал, что стал Богом или почти Богом, стал частью вселенной, частью Ксюши, частью всего. И то, что сейчас произошло, было не просто проявлением физиологических процессов, а было таинственным актом единения противоположностей разных природ, воплощением и в то же время единением конечного и бесконечного, материального и нематериального. Михай понял, что в этом и есть жизнь, для этого он и создан.

Михай перевернулся на бок и посмотрел на Ксюшу. Она в ответ благодарно улыбнулась, весь ее вид выражал блаженство и расслабленность. Михай нежно погладил ее по бедру, его тело уже достаточно отдохнуло для продолжения. Он передвинулся к Ксюше и незаметно оказался над ней. Их губы снова встретились. Все начало повторяться снова, их тела стали медленно и ритмично двигаться.

Глубокое дыхание двоих и звуки, вызванные движением их тел разрушали полнейшую тишину, которая вдруг накрыла этот лес. Никаких других звуков, никакого другого движения не было вокруг. Невидимый наблюдатель оторвал взгляд от этих двоих и огляделся. Вокруг был неслышный, неподвижный и девственно нетронутый лес. Наблюдатель стал удаляться. Он потерял интерес к происходящему. Обнаженные тела уже стали видны, как два пятна среди зеленой массы леса, потом лес стал виден, как одно из зеленых пятен на поверхности суши, вокруг которой преобладал синий цвет воды, потом все это приобрело форму шара, покрытого голубоватой дымкой. Он становился все меньше, меньше, пока не превратился в маленькую звездочку. Потом она исчезла на фоне других больших звезд. Потом исчезли и остальные звезды. А двое в лесу даже не заметили исчезновение наблюдателя, как и не заметили его присутствия. Их тела не останавливаясь двигались, двигались, двигались